

ПСИХОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Д.Б. БОГОЯВЛЕНСКАЯ

Указывается на ключевое значение предложенной А.Н. Леонтьевым структуры деятельности - операция, действие, деятельность - для решения проблематики психологии творчества. Данная дифференциация является решающей для понимания природы творчества, поскольку уровень деятельности реализуется за счет доминирующей мотивации и ведет к ее развитию. В свою очередь это позволило вычлнить единицу анализа творчества как развития деятельности по инициативе ее субъекта. Это стало возможно лишь в деятельностной парадигме на «обратном пути познания», апеллирующего к теоретическому обоснованию изучаемого явления, в отличие от «прямого пути», для которого характерно лишь усложнение структуры и функции.

Ключевые слова: А.Н. Леонтьев, деятельность, действие, творчество, познание, прямой путь познания, обратный путь познания, единица анализа, метод, диагностика.

Удивительная глубина, с одной стороны, и поэтичность, с другой, характеризуют сформулированный А.Н. Леонтьевым итог развития психики и, пожалуй, всей эволюции: «Развитие отражения при переходе к живой материи выражается в том, что оно как раз утрачивает тот характер прямого отпечатка, который встречается в неорганическом мире. Но оно утрачивает вместе с тем и свой пассивный, мертвенный и случайный характер... оно вновь способно приобрести в дальнейшем развитии — с возникновением психической жизни — точность зеркального отражения; впрочем, оно скорее становится похожим теперь на отражение в том сказочном зеркале, в котором можно увидеть не только происходящее прямо перед ним, но и весь реальный мир — даже и то, что никогда не отбрасывало на него своих лучей» (Леонтьев А.Н., 1959, с. 50 [6]).

В определенном смысле эта мысль — сквозная для работ по эволюции психики. Н.А. Бернштейн, рассматривая путь эволюции психики, выявляет ее сущностный принцип, указывая на то, что трансформации контактных рецепторов в телерецепторы, давая выигрыш в пространстве,

дают выигрыш во времени: «от нескольких секунд до выигрыша в веках в человеческом предвосхищении» (Бернштейн, 1966, с. 106 [1]).

Каков же механизм видения того, что еще не происходило, — предвосхищения? И здесь мы упираемся в проблему понимания творчества, которая является родовой сущностью человека.

Любая наука имеет два направления развития. В психологии первым указал на это Л.С. Выготский: это прямой путь усложнения структуры и функций, которым шла природа, и обратный путь, исходящий из знания высшей формы. Прямой путь приводит к описанию психического феномена, непосредственно опирающемуся на конкретные, эмпирически устанавливаемые любым доступным способом признаки (как существенные, так и несущественные). Ввиду отсутствия четких оснований для выделения высшей формы все формы выступают как равнозначные. Мы видим это сегодня, когда признаем, что существует множество понятий одаренности и творчества. То ли это инсайт в гештальт-психологии, дивергентное мышление в психометрической парадигме, а может, и

ассоциация по сходству, как у У. Джемса, которая обеспечивает озарения гения. В. Т. Кудрявцев употребляет понятие «потенцирование» (термин Ф. Шеллинга) как обозначение роста возможностей ребенка. На этой основе в учебниках утверждается, что дошкольный возраст — возраст творчества. И вся феноменология продуктивного мышления является творчеством. И у каждого своя истина.

Обратный путь опирается на теоретическое определение высшей, ставшей формы, отражающее существо изучаемого феномена. Л.С. Выготский продемонстрировал этот подход на примере мышления и речи. А.Н. Леонтьев сам этой проблемой не занимался, однако дал ключ к ее решению.

Ближе всего к решению проблем творчества подошла школа С.Л. Рубинштейна. Исследуя мышление как процесс, детерминанты мышления и механизм инсайта, С. Л. Рубинштейн, естественно, понимал всю сложность самого явления и включения личности как целостной совокупности внутренних условий в детерминацию мышления. Однако оно не было реализовано операционально. Это нашло отражение в членении единого процесса мышления и возможности его анализа в разных плоскостях: «Мышление выступает как процесс, когда на переднем плане стоит вопрос о закономерностях его протекания. Этот процесс членится на отдельные звенья или акты (мыслительные действия)... Мышление выступает по преимуществу как деятельность, когда оно рассматривается в своем отношении к субъекту и задачам, которые он разрешает. В мышлении как деятельности выступает не только закономерность его процессуального течения как мышления, но и личностно-мотивационный план, общий у мышления со всякой человеческой деятельностью» (Рубинштейн, 1959, с. 54 [9]).

Итак, при всем понимании сложности, многогранности факторов детерминации мышления они оставались не включен-

ными в процесс его детерминации, т.е. рассмотрение мышления как деятельности не определяло динамику мышления как процесса. Поэтому следует понять тот эффект, который вытекает из рассмотрения А.Н. Леонтьевым структуры деятельности, четкой иерархии понятий «операция», «действие», «деятельность». Эта классификация приобретает функцию объяснительного принципа, когда в качестве предмета исследования выступает творчество. В этом случае при анализе продуктивного мышления оказывается принципиальным, совершается ли мыслительный процесс на уровне действия или деятельности. Вне этой дифференциации невозможно дать описание детерминации творческого процесса.

Как было показано, в том числе и С.Л. Рубинштейном, процесс познания детерминирован принятой задачей. Однако это справедливо только для первой его стадии. Затем в зависимости от того, рассматривает ли человек решение задачи как средство для осуществления внешних по отношению к познанию целей (т.е. процесс решения осуществляется на уровне действия) или оно само есть цель (т.е. осуществляется познавательная деятельность), определяется и судьба процесса. В первом случае он обрывается, как только решена задача, во втором он развивается. Здесь мы наблюдаем искомый феномен самодвижения деятельности, который приводит к выходу за пределы заданного, что и позволяет увидеть «непредвиденное». В этом выходе за пределы заданного, в способности к продолжению познания за рамками требований заданной ситуации, в ситуативно нестимулированной продуктивной деятельности и кроется тайна высших форм творчества, способность видеть в предмете нечто новое, такое, чего не видят другие, что и определяет ее творческий статус.

Именно на этом основании, по аналогии с В. Джемсом, выделившим из широкой

феноменологии умственной деятельности мышление в строгом смысле слова как выявление существенного, мы из всей сферы продуктивной деятельности определяем творчество в строгом смысле слова как действие, теряющее форму ответа, характеризующее ставшую, высшую форму творчества. Мы постулировали способность к развитию деятельности по инициативе ее субъекта в качестве единицы анализа творчества. Со стороны это выступает как саморазвитие деятельности (Богоявленская, 2009 [2]).

Вот что писал А.Н. Леонтьев: «Исследовать развитие как процесс “самодвижения”, т.е. исследовать его *внутренние* движущие отношения, противоречия и взаимопереходы, так что его предпосылки выступают как в нем же трансформирующиеся, его собственные моменты» (Леонтьев А.Н., 1975, с. 172 [5]).

Подчеркивая внешнюю нестимулированность подлинно творческого процесса, мы не выводим его из-под действия детерминации вообще. Просто он необъясним из последней. Данный феномен рождается не вопреки внешней детерминации и не из нее, а как раскрытие глубинных потенций личности, как внутренне детерминированное и в этом смысле свободное действие, что также совпадает с теоретическими представлениями Алексея Николаевича, который указывал на «проблему *психологической культуры личности (свободы!)*» (цит. по А.А. Леонтьеву, 2003, с. 31 [4]).

Рассмотрение высшей формы, помимо дефиниции творчества, позволяет проследить зачатки ее признаков во всех предшествующих формах. Так, все разнообразие подходов выстраивается в строгий ряд, имеющих объяснение и занимающий закономерно свое место. В своих текстах я использую триаду Г.В. Гегеля: тезис, антитезис, синтезис, в рамках которой укладываются и получают свое объяснение альтернативные и редуцированные определения творчества и одаренности, но уже

не как альтернативные, а как этапы его становления.

Тезис был сформулирован основоположником этой тематики Ф. Гальтоном. Рассматривая творчество как специфику рода «Человек» в отличие от животных, он предметом исследования как грамотный методолог взял ее высшую, ставшую форму — гениальность. По его мнению, ее определяют три фактора: высокий интеллект, личностные факторы и выносливость (Сакоп, 1865 [12]). Отличительной чертой одаренного человека он считал приверженность делу. Однако данное понимание одаренности в то время не могло быть реализовано. Доказательность требовала измерения. Будучи действительно фундаментальным, исследование Ф. Гальтона отразило всю сложность проблемы и те исходные противоречия, которые сопутствуют ее решению с XIX по XXI в. Он как бы наметил своего рода Сциллу и Хариду, между которыми мечутся все последующие ученые, ею занимающиеся. Их понимание творческого потенциала человека с необходимостью включало личность, а именно ее духовную зрелость. Однако «особенное затруднение для определения характерных для одаренности свойств представляет тот факт, что пока систематически может быть исследован только интеллект, тогда как другие качества могут подлежать лишь несистематическому наблюдению» (Ревеш, 2006, с. 11 [7]). Как нельзя более точно В.М. Экземплярский указывает на гордиев узел проблемы: «Лишь недостаточность имеющихся у нас экспериментальных методов для определения высоты развития эмоционально-волевой сферы и, наоборот, значительное развитие методики количественного исследования интеллекта ограничивают до сих пор по преимуществу интеллектуальной сферой разрешение проблемы. С этим ограничением естественно придется считаться и в самом принципиальном выяснении проблемы и путей к ее разрешению» (Экземплярский, 2006, с. 264

[11]). Позиция В. Штерна последовательна: потребность измерения приводит к сужению понятия одаренности: «Мы не только ограничиваем умственную одаренность от эмоциональных и волевых свойств индивидуума, но отводим ей ясно очерченное место и среди интеллектуальных функций» (Штерн, 2006, с. 58 [10]). Таким образом, на многие десятилетия в психологии воцарилось это представление об одаренности путем сведения ее измерения к 10. Так возник антитезис.

Итак, раскрытие понятия завязано на способе измерения. В свою очередь, это определяет замену целого в измерении одним из его измеряемых элементов. Именно этот факт лежит в основе тенденции, которую Л.С. Выготский называл поэлементным анализом — сведением целого к одной его части. Но «на пути отождествления целого с элементами проблема не решается, а просто обходится» (Выготский, 1983, с. 12 [3]). Вместе с тем данная тенденция четко прослеживается и далее на протяжении XX в. при классификации видов одаренности, что все более уводит от решения проблемы. Так, в структуре Дж. Гилфорда все факторы — независимые способности, что и создает объективную возможность рассмотрения факторов, отраженных в тестах «интеллекта» и специальных тестах «креативности» и их показателей как отдельных; это демонстрируют многочисленные сопоставительные исследования креативности и интеллекта на протяжении второй половины XX в. Эти исследования основаны на включении обучаемости (или профессиональной успешности) как показателя жизненной валидности. Три указанных показателя и легли в основу разделения одаренности на три отдельных вида: академическую, интеллектуальную, творческую. Думается, что предлагаемое деление одаренности весьма прагматично и скорее просто привязано к типу диагностической процедуры (отметкам, тестам 10, тестам Сг). Таким

образом, способ измерения определяет объект, а не наоборот. Выделение Дж. Гилфордом показателя креативности — Сг, отличного от 10 — коэффициента интеллекта (ОшИогб, 1988 [13]), иллюстрирует тенденцию, которая заключается «в колебании от полного отождествления к столь же метафизическому, столь же абсолютному разрыву и разъединению» (Выготский, 1959, с. 13 [3]). Затем начинается установление между ними «чисто внешней механической зависимости как между двумя различными процессами», что характерно именно для поэлементного анализа. Этот факт подтверждает прогностичность выдвинутого Л.С. Выготским методологического принципа и лежит в основе объяснения понимания творческих способностей и одаренности, которое складывалось на протяжении XIX-XX в.

Поэтому наш подход, при котором выделена единица анализа, интегрирующая когнитивную и аффективную сферу личности, объединяя их в одном, снимает те трудности, которые не позволяли диагностировать в свое время весь комплекс факторов, выделенных Ф. Гальтоном. Таким образом, это соответствует этапу синтеза в исследовании проблемы одаренности.

Поскольку отношение человека к осуществляемой деятельности опосредствуется богатством его внутреннего мира, то можно думать, что «функциональный орган» творческих способностей не может быть подобен сенсорным, он не может иметь локального мозгового носителя. «Функциональным органом» творчества в выше приведенном понимании может выступать лишь личность в целом.

Вместе с тем теоретическое определение, выявляющее сущность и раскрывающее механизм изучаемого феномена, обеспечивает разработку метода диагностики, строго адекватного данному определению. Выделив единицу анализа, мы впервые получаем возможность исследовать творческие способности не по продукту и не по

косвенным признакам, а непосредственно, что обеспечивает разработанный нами метод «Креативное поле». Он реализован в новой модели эксперимента — системе однотипных задач. Эта модель позволила: 1) диагностировать интеллект по обучаемости по всем ее показателям (темпу продвижения, уровню обобщенности, экономичности, осознанности, самостоятельности), поскольку мы даем не одну задачу и не ряд разных, что позволяет преодолеть недостатки тестирования; 2) идентифицировать сам феномен творчества как выход за пределы заданной ситуации, создав пространство для наблюдения за процессом развития деятельности (более того, мы можем теперь не только выявить меру «приверженности делу», но даже измерить ее в относительных единицах); 3) дифференцировать всю сложную и неоднородную феноменологию творчества и разработать его типологию.

К первому типу мы относим деятельность человека, включая уровень высокого мастерства, всегда стимулированную извне. Поэтому мы называем его стимульно-продуктивным. Анализ на этом уровне направлен на конкретную ситуацию и выполняется на уровне единичного по философской классификации.

Ко второму — эвристическому типу — относится деятельность, развиваемая по инициативе самой личности. Это уже уровень искусства и открытий законов, о чем С.Л. Рубинштейн говорил как о взрывании слоев сущего. Это анализ на уровне особенного. В научной литературе так характеризуют талант.

Третий тип — креативный — характеризуется не только открытием новых закономерностей, но и их теоретическим доказательством. Это уровень построения теорий и постановки новых проблем. Здесь анализ совершается на уровне всеобщего. Такой анализ обеспечивает познание сущности объекта. Познав сущность явления, можно предсказать качествен-

ные скачки в его развитии, что определяет прогностические способности субъекта. Именно эта способность более других характеризует гения, который прогнозирует на столетия вперед. Хочу подчеркнуть, что все перечисленное стало возможным исследовать и открывать благодаря выделению единицы анализа творчества как методологическому требованию в рамках культурно-исторической парадигмы и дальнейшему развитию деятельностной парадигмы А.Н. Леонтьевым.

Можно восхищаться мощью данного А.Н. Леонтьевым поэтического обобщения и в свете более поздних данных лишь конкретизировать его. В этом плане представляется, что способность к подлинному творчеству, связанному с появлением в психике человека действий, теряющих форму ответа, является принципиально новым этапом в ее развитии и может быть равным по значимости возникновению реакций на абиотические признаки. Если эти реакции определяют появление психики, ее исходный нижний уровень, а далее психика развивается, обеспечивая адекватный ответ и все более эффективное приспособление к среде, то уровень действия, теряющего форму ответа, образует высший уровень — творчество как ее верхний предел. Именно этому новому этапу в развитии психики мы обязаны созданием «сказочного зеркала».

1. *Бернштейн Н.А.* Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М.: Медицина, 1966.
2. *Богоявленская Д.Б.* Психология творческих способностей. М.: Академия, 2002.
3. *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1983.
4. *Леонтьев А.А.* Жизненный и творческий путь А.Н. Леонтьева. М.: Смысл, 2003.
5. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
6. *Леонтьев А.Н.* Развитие психики. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959.
7. *Ревеш Г.* Раннее проявление одаренности и ее узнавание // Что такое одаренность / Под ред.

- А.М. Матюшкина, АЛ. Матюшкиной. М.: ЧеРо, 2006. С. 5-40.
8. *Рубинштейн С.Л.* Основы психологии. М.: Изд-во АН СССР, 1948.
 9. *Рубинштейн С.Л.* Принципы и пути развития психологии. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
 10. *Штерн В.* Умственная одаренность // Что такое одаренность / Под ред. А.М. Матюшкина, А.А. Матюшкиной. М.: ЧеРо, 2006. С. 56-82.
 11. *Экземпларский В.М.* Проблема одаренности // Что такое одаренность / Под ред. А.М. Матюшкина, А.А. Матюшкиной. М.: ЧеРо, 2006. С. 262-318.
 12. *Galton F.* Hereditary talent and character// MacMillan's Magazin. 1865. V.XII. P. 157-166, 318-327.
 13. *Guilford J. P.* An odyssey of the SOI model. Autobiography of Dr. J.P. Guilford, Tokyo, 1988.

Поступила в редакцию 23.III 2013 г.

ОНТО- И КУЛЬТУРОГЕНЕЗ ФОРМ ЗАПОМИНАНИЯ: РЕПЛИКАЦИЯ ЭКСПЕРИМЕНТОВ А.Н. ЛЕОНТЬЕВА

П.А. МЯСОЕД

Представляются данные, полученные в ходе репликации экспериментов А.Н. Леонтьева (1928), прослеживается онто- и культурогенез непосредственного и опосредствованного запоминания. Подтверждено, что каждая форма запоминания развивается с разной мерой продуктивности и по-разному. Не подтверждено положение А.Н. Леонтьева о том, что онтогенез запоминания подчиняется «принципу параллелограмма». Показана зависимость форм запоминания от времени и характера протекания мнемической деятельности. Обнаружено выраженное снижение продуктивности процессов запоминания у современных школьников и студентов по сравнению со школьниками и студентами - испытуемыми А.Н. Леонтьева.

Ключевые слова: онтогенез и культурогенез произвольного и произвольного запоминания, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев.

Выполняя задание Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьев в 1928 г. проводит серию экспериментов, призванных проследить линии онтогенеза непосредственного и опосредствованного запоминания. Результат публикуется в книге «Развитие памяти» (Леонтьев, 1931 [21]), получает высокую оценку Л.С. Выготского (1982а, 1982б, 1983 [4]—[6]), обсуждается и интерпретируется учениками и сотрудниками ученого (Асмолов, 1985 [1]; Василюк, 1996 [2]; Корнилова, 2003 [15]; Леонтьев и др., 2005 [18]; Ляудис, 1983 [23]; Соколова, 2003 [31]). Одна из интерпретаций предложена автором этой статьи (Мясоед, 2010 [27]).

В 1993 г. М.И. Лохов и соавт. (1993 [22]), не представив данных, сообщили,

что применили методику А.Н. Леонтьева, не подтвердили результат и не обнаружили изменений продуктивности запоминания за прошедшие 65 лет. В 2008 г. Б. Г. Мещеряков и соавт. (2008 [26]) провели тщательно спланированное репликационное исследование, проверили методику на валидность и надежность, выявили ряд тенденций, свидетельствующих, что изменения имеют место. Двумя годами позже на большем числе выборок И.А. Корепанова (2010 [14]) подтверждает этот вывод.

Полученные нами в ходе репликации экспериментов А.Н. Леонтьева данные сопоставляются с данными других исследователей; эти данные освещают тенденции